Часть 3. ALMA MATER И ВОКРУГ

Консерватория — начало

В 1983 году я поступил в Ленинградскую консерваторию. Поступал непросто. Страшно трусил. Особенно по поводу сольфеджио, поскольку не считал себя безукоризненно подготовленным. Кроме того, у меня не было тех способностей, которыми, например, блистал в нашем классе Игорь Смирнов, обладавший буквально шостаковическим комплексом. За свою жизнь я с таким уровнем природной одаренности больше не сталкивался: Игорь, наделенный фотографической зрительной и слуховой памятью, с одного прослушивания мог абсолютно точно воспроизвести сложные пьесы. К тому же он блестяще импровизировал в любых стилях. Сравнивая себя с ним, я считал, что шансы мои невелики, поскольку в консерваторию должны поступать только такие вот феномены.

Конечно, я был наивен. Наша судьба была задолго предрешена училищными педагогами, в течение года обсуждавшими, в чьи классы пойдут их ученики, а также Елизаветой Петровной Кудрявцевой, которая в качестве председателя государственной комиссии отметила кандидатов на поступление еще на выпускных экзаменах. И все же. Я всерьез побаивался, что мой красный диплом меня не спасет, и я предстану перед уважаемыми профессорами «голым королем».

Солнечным июльским утром я вошел, если не ошибаюсь, в 28-й класс. Сердце мое не билось, поскольку лежало где-то в ногах, сам я деревенел. И в процессе исполнения дирижерской программы неуклонно терял связь с реальным миром. Со мной происходило приблизительно то, о чем

приводилось прежде слышать из уст Ираклия Андроникова, когда он читал свой рассказ «Первый раз на эстраде». Но я и подумать не мог, что степень комизма обратно пропорциональна тому трагическому ужасу, который тебя охватывает перед испытанием. К сожалению, я не обладал защитной наглостью многих моих собратьев по разуму и не умел свои минусы обратить в плюсы. И когда милейший *Борис Александрович Незванов*, бесподобный «слухач», определявший мельчайшие градации фальшивого биения звука, сел к роялю и, будучи полуслепым, повернул шею, так что невидящий глаз его нацелился на меня, а ухо — на клавиши, я превратился в кролика. Он, разумеется, был в этот момент удавом. При этом, вероятно, думал, что чем больше он улыбается, тем больше внушает к себе расположение и раскрепощает испытуемого. Но все было наоборот. Я впал в анабиоз. Кварты называл секундами, а аккорды и вовсе отказался признавать. Замечу, что эта экзекуция, то есть проверка слуха, на экзамене по дирижированию под рояль, — была и остается излюбленной забавой дирижерских приемных комиссий. Считается, что таким образом можно проверить природную способность абитуриента отличать терцию, например, от сексты. Но ведь в реальности дирижеру приходится контролировать не рояль, а хор или оркестр. И это совсем другой опыт.

Несмотря на фиаско, отборочный тур я прошел, прошел и работу с хором. Оставалось взять реванш на экзамене по сольфеджио. С диктантами я справился (помню, что одноголосная мелодия была из 2-го квартета Шостаковича, что я, разумеется, установил позже). На устном испытании и вовсе успокоился. В результате от дальнейших экзекуций как краснодипломник был освобожден.

Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что я в общем-то не пригоден для исполнительской деятельности! Причем

по самой банальной причине — меня сковывает ожидание аудитории и необходимость продемонстрировать этой аудитории свое искусство. Леденящий страх ошибиться в итоге лишает процесс общения со слушателями смысла. Кому нужен «кролик» на сцене? С этим комплексом я боролся всю жизнь. И добился, следует признаться, кое-каких результатов. Многолетняя лекторская практика, общественная деятельность, выступления в качестве концертмейстера и дирижера научили меня держать дистанцию и подчинять своей воле внимание зала. И все же не вполне... Поэтому правильно, что судьба увела меня через несколько лет из дирижерского класса. В этой профессии нужно все время стремиться на сцену, а не со сцены. К этой теме еще вернусь.

Консерватория моей юности. Вожделенный приют муз, исполнение всех желаний, беспечное ощущение свободы и богоизбранности. Полное погружение в мир искусства. Мои романтические мечты были абсолютно удовлетворены. Хотя, как это часто бывает, именно на первом курсе высшего учебного заведения студенты спускаются с неба на землю, погружаются в скепсис или вовсе утрачивают интерес к несчастливо избранному пути.

Со мной это произошло не сразу. И я первоначально наслаждался возможностью учиться. Да и время еще было такое, когда вся образовательная система ориентировала студентов именно на учебу, а не на поиск средств к существованию. С одной стороны, действовала жесткая система квот на пропуски занятий. Отсутствие по уважительным причинам должно было закрываться справками. Соответственно хроническая неуспеваемость или нарушения дисциплины могли стать предметом для разбирательств в комитете комсомола или на уровне руководства факультета.